

Алексей Алексеевич Боровой

Человек, мыслитель, анархист

Дмитрий Рублёв, Пётр Рябов

2011

Оглавление

I. Человек. Вехи биографии	3
II. Ученый-энциклопедист	9
III. Философ и теоретик анархизма	14

Забытое (усилиями большевистских цензоров) на полвека имя Алексея Алексеевича Борового (1875–1935) – замечательного мыслителя, ученого-энциклопедиста, общественного деятеля, теоретика российского анархизма – в последние годы медленно возвращается к читателю из исторического небытия. Переиздаются некоторые работы Борового, публикуются архивные рукописи, выходят статьи, посвященные различным аспектам его многогранной личности и творчества¹. Фонд Борового в РГАЛИ, открытый для исследователей 20 лет назад, стал ценнейшим источником для изучающих историю анархизма и русскую культуру начала XX в.

Однако попытки дать более или менее полный очерк биографии, философских и научных взглядов Борового предпринимаются редко (обычно дело ограничивается краткими справками в словарях и энциклопедиях или изложением одной-двух его книг). Мы попытаемся отчасти восполнить этот пробел.

I. Человек. Вехи биографии

Алексей Алексеевич Боровой родился 30 октября 1875 г. в Москве. Его отец – действительный статский советник – преподавал математику. Мать, воспитывавшая Алешу и его брата Сашу, увлекалась музыкой.

В 1894–1898 гг. Алексей учился на юридическом факультете Московского университета, углубленно изучая политическую экономию. Всеобщее увлечение тех лет марксизмом захватило Алексея Борового: он «религиозно воспринял и пережил марксизм». С присущей ему самоиронией он вспоминал в мемуарах: «Недаром даже студенты возмущались на мои марксистские “неистовства” (“он ест, пьёт и спит с Марксом”»)². Параллельно с учебой в университете юноша обучался в консервато-

¹ Назовем некоторые наиболее важные публикации последних лет: Боровой А.А. Анархизм. – М., 2009; Он же. Бакунин. – М., 1994; Он же. Власть // Анархия и Власть. – М., 1992; Он же. Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм. (Отрывки) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX в. Избранные произведения. – М., 1994; Он же. Моя жизнь. Воспоминания. Глава VII. Как я стал анархистом // Человек. – М., 2010. – № 3; Он же. Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии // Диаспора: Новые материалы. Т. 6. – СПб., 2004; Из последних работ о Боровом: Цовма М.А. Алексей Боровой и Петр Кропоткин // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Выпуск 3. П.А. Кропоткин и революционное движение. – М., 2001; Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). – М., 2007; Он же. Михаил Бакунин и Алексей Боровой: Созвучие и резонанс // Прямухинские чтения 2007 года. – Тверь, 2008; Он же. «Былое и Думы» Алексея Борового // Человек. – М., 2010. – № 3; Он же. Алексей Алексеевич Боровой и его книга «Анархизм» // Боровой А.А. Анархизм. – М., 2009; Он же. Хорошо забытое старое. Обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология: Дайджест. – М., 2009. – № 1 (48); Он же. Философия постклассического российского анархизма – terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. – М., 2009. – № 3; Кривенький В. Боровой Алексей Алексеевич // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. – М., 1996; Гусева Ю.В. Из творческого наследия анархиста А.А. Борового // Отечественные архивы. – М., 1992. – № 4; Годунова Н.В. Проблема власти в творчестве А.А. Борового // SCHOLA-2000. (Сост. А.А. Воробьев). – М., 2000; Талеров П.И. Гуманист Алексей Боровой: Страницы истории российской анархистской мысли // Исторические личности России. Материалы 11-й Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 1998; Он же. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3.

² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 167. Л. 17.

рии по классу фортепиано. Но увлечение наукой и любовные романы не дали ему завершить музыкальное образование, о чем он позднее сожалел.

Окончив университет, Алексей был оставлен при кафедре для продолжения научных занятий и в 1901 г. стал приват-доцентом. Он преподавал политическую экономию и право в Московском университете, Практической Академии и Александровском Коммерческом училище. В 1898 г. он женился на А. А. Пейкер, но семейные узы тяготили этого бунтаря и любимца женщин. Второй брак – с Эмилией Васильевной Струве (племянницей П. Б. Струве) оказался более счастливым и долговечным.

Затяжной кризис первого брака, нарастающие сомнения в марксизме и неудовлетворенность Борового собственной жизнью (его затягивала рутина мещанско-богемной жизни, он не находил применения своему революционному темпераменту и немалому честолюбию) завели его в глубокий внутренний тупик. Счастливым разрешением кризиса, обновлением и самообретением для него стала двухлетняя поездка за границу. В 1903 г. Алексей Боровой был отправлен в заграничную командировку для сбора материалов к диссертации. Париж поразил его свободной, творческой атмосферой. Здесь Боровой, разочаровавшийся как в марксистских догмах, так и в представительной демократии, осознал себя анархистом. Анархизм для него стал не просто социальным учением, но исповеданием веры, оформлением личного мировоззрения. Он констатировал: «Анархизм, как мироощущение, для меня – первоначально данное, элементарное. (...) Важнейшие практические решения моей жизни естественно вытекали из этого основного чувства»³. Придя к анархизму самостоятельно и в зрелом возрасте, Алексей Алексеевич долгое время был далек от массового анархического движения, действуя в одиночку как теоретик и пропагандист анархизма.

Возвращение в Россию в 1905 г., в разгар революции, быстро сделало Борового известным выдающимся оратором и публицистом. В автобиографии он писал: «С 1906 г. читал в Университете ряд курсов: “Рабочий вопрос”, “История профессионального движения на Западе”, “Фабричное законодательство в России”, “Французский революционный синдикализм”, “Общий курс административного права”. (...) Одновременно выступал с рядом публичных лекций с защитой изначально анархо-индивидуалистического, с 1908 г. анархо-синдикалистского мировоззрения»⁴.

Наряду с активной лекционной деятельностью Алексей Боровой участвует в работе ряда музыкальных и литературных обществ, сотрудничает в журнале «Перевал», публикует несколько новаторских по содержанию и блестящих по форме книг: «Общественные идеалы современного человечества. Либерализм. Социализм. Анархизм» (первоначально – публичная лекция, с успехом прочитанная 5 апреля 1906 г. в Историческом музее в Москве, ставшая первым легальным исповеданием анархизма в России и изданная не только в России, но и в Германии), «Революционное мирозерцание», «Популярный курс политической экономии», а также десятки статей и рецензий.

Боровой стал одним из пионеров издания анархистской литературы в России. В 1906 г. при его активном участии были созданы первые легальные анархистские

³ РГАЛИ. Ф.1023. Оп. 1. Д. 162. Л. 16.

⁴ РГАЛИ. Ф.1023. Оп. 1. Д. 838. Лл. 8–9.

издательства «Заратустра» и «Логос»⁵. С «Логосом» сотрудничал молодой философ И. А. Ильин, который вместе с Н. Н. Вокач перевел книгу П. Эльцбахера об идеях классиков анархизма и собирался перевести труд Штирнера «Единственный и его собственность»⁶.

Для окружающих Алексей Боровой был воплощением многих ипостасей: дворянин, ушедший в революцию; юрист – и тем не менее анархист; меломан, любитель поэтов-символистов – и страстный боец; крайний индивидуалист и одновременно – идейный социалист; критик религии – и человек с богатым мистическим опытом; выдающийся и разносторонний ученый, но – враг академизма и «цеховой учености». Вот лишь некоторые имена его знакомых, живо описанных на страницах мемуаров Борового: синдикалисты и анархисты – Д. И. Новомирский, В. А. Поссе, Ж. Сорель, Ю. Лагардель; общественные деятели – В. Л. Бурцев, В. И. Ленин, Ж. Жорес, А. Бебель, В. Н. Фигнер, Ф. Н. Плевако; поэты – А. Белый, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Г. И. Чулков, В. В. Маяковский, М. А. Волошин; философы – А. Бергсон, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, Г. Г. Шпет, Б. А. Кистяковский, Б. П. Вышеславцев; историки и социологи – В. В. Ключевский, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, Р. Михельс; деятели искусств – С. И. Танеев, А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер, М. Н. Ермолова, С. В. Герасимов...

Пребывание пылкого анархиста в университете не могло быть долговечным. Коллеги, в большинстве кадеты, хотя и называли его «любимцем факультета», но не дали ему защитить диссертацию – «История личной свободы во Франции», опубликованную в 1910 г. По свидетельству писателя и журналиста В. И. Рындзюна (псевдоним – А. Ветлугин): «Книгу Борового повертели, понюхали, с опаской прочли и ввиду явно не кадетского образа мыслей автора не допустили к защите диссертации»⁷. Начались и преследования со стороны властей. В автобиографии Боровой отмечал: «Лекционная деятельность моя вскоре подверглась ограничениям со стороны администрации. (...) Был дважды арестован и устранен от лекторской деятельности на курсах и от преподавания в коммерческих училищах. В 1911 г. покинул университет, мотивируя свой уход – не солидарностью с либеральной профессурой, а вторжением полиции в университет. Одновременно был привлечен к судебной ответственности за политические брошюры и идейное руководство издательством “Логос”. В виду угрожавшей крепости, эмигрировал за границу и поселился в Париже»⁸.

В эмиграции в 1911–1913 гг. Боровой работал гувернером и экскурсоводом, изучал философию Бергсона и практику революционного синдикализма, читал лекции о принципах современного капитализма, о синдикализме и Бергсоне в Свободном колледже социальных наук и в эмигрантском Рабочем университете. В конце 1913 г. к 300-летию династии Романовых последовала амнистия – и он вернулся в Россию, где работал журналистом в газетах «Утро России» и «Новь». В начале Первой мировой войны Алексей Алексеевич, подобно Кропоткину и некоторым другим анархистам, занял оборонческую позицию. Призванный в армию, он «служил по эвакуации. В

⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 25, 81–85.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 285–286.

⁷ Ветлугин А. Сочинения. Записки мерзавца. – М., 2000. – С. 74.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 838. Л. 9.

1918 г. состоял в звании военного комиссара при Главном Военном Санитарном Управлении»⁹.

С энтузиазмом встретив Великую российскую революцию 1917–1921 гг., Боровой стал одним из признанных лидеров растущего анархического движения. Он издал несколько книг («Анархизм», «Революционное творчество и парламент», «Личность и общество в анархическом мировоззрении»), был инициатором объединения интеллектуального пролетариата на принципах революционного синдикализма в «Федерацию работников умственного труда», редактировал выходящий в 1917 г. орган федерации «Клич»¹⁰. С апреля 1918 г. он возглавлял Московский Союз идейной пропаганды анархизма, проводивший массовые мероприятия для распространения идей анархизма среди рабочих и интеллигенции¹¹, и выступал с рядом публичных лекций – «Класс и партия», «Что такое анархизм», «Анархизм и свободное творчество»¹² (слышавший его лекцию летом 1918 г. Нестор Махно, плохо относившийся к городским интеллигентам-анархистам, с восторгом отзывался о нем в воспоминаниях)¹³. В 1918 г. вместе с Д. Новомирским он редактировал газету «Жизнь».

Наряду с общественной и писательской деятельностью возобновилась преподавательская работа Борового: «В ноябре и декабре 1918 г. читал в Социалистической академии курс – “Политическая психология современных Европейских Народов”. (...) С 1918 г. читал в университете курс “История социализма”, а с 1920 г. на Архитектурном факультете ВХУТЕМАСа – “Историю социального быта”. (...) В 1921 г. читал “Историю рабочего движения” и вел семинарий по политической экономии»¹⁴. Профессор Боровой был весьма популярен среди студентов. Не случайно в 1921 г. студенты Коммунистического университета, решив провести дискуссию «Анархизм против марксизма», из всех приверженцев этих учений выбрали Бухарина и Борового. Впрочем, диспут не состоялся из-за запрета со стороны большевистского руководства: время дискуссий закончилось.

Публичная деятельность анархиста не могла быть долго терпимой в большевистском государстве. В 1921–1923 гг. Боровому запрещают преподавать, несколько раз арестовывают. В отличие от многих анархистов, примкнувших к большевикам, он отказался отречься от анархизма. Некоторое время он был редактором экономического отдела «Малой Советской Энциклопедии» (написав ряд статей). Когда и там работать стало невозможно, ему пришлось зарабатывать на жизнь на Московской товарной бирже в качестве экономиста-консультанта. А поле его общественной активности сузилось до работы в анархо-синдикалистском кооперативном издательстве «Голос Труда». До прекращения своей деятельности в 1926 г. издательство выпустило и подготовило десятки книг авторов-анархистов. Среди них сборник «Очерки истории анархического движения в России» (для которого Боровой написал замечательный очерк «Бакунин»).

⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 838. Л. 9.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 130–135.

¹¹ Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 тт. Т. 2. 1917–1935 гг. – М., 1999. – С. 148–151.

¹² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 838. Л. 9.

¹³ Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992. – С. 143–144.

¹⁴ Там же.

Другим местом общественной деятельности Борового стал Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина (ВОК). С 1921 г. Алексей Алексеевич принимал активное участие в ВОК, будучи членом научной секции¹⁵, а с апреля 1925 г. был товарищем (заместителем) Председателя ВОК В. Н. Фигнер. В Кропоткинском музее он выступал с докладами и участвовал в диспутах с анархо-мистиками, последователями А. А. Карелина и А. А. Солоновича, пытавшимися заменить традиционный анархизм гностическими идеями, трактуемыми в антиэтатистском духе. Анархо-мистики, поддерживаемые руководством музея во главе с С. Г. Кропоткиной (от которой ОГПУ требовало недопущения в музее «анархических сборищ»), препятствовали сторонникам традиционного анархизма легально распространять свои идеи. Боровой с группой товарищей продолжали пропаганду анархизма в стенах музея. Летом 1927 г. они попытались организовать легальный митинг солидарности с арестованными в США анархистами Н. Сакко и Б. Ванцетти, но не смогли добиться в Моссовете разрешения на него. Протестуя против засилья анархо-мистиков в Музее Кропоткина, Боровой со своими единомышленниками вышли из ВОК, выпустив обращение «К анархистам» от 25 марта 1928 г. с протестом против идеологической монополии «мистиков» и их интриг, которое получило резонанс в мировом анархическом движении¹⁶.

Осознав невозможность легального распространения своих идей в СССР, он участвовал в разработке программы подпольной анархической партии, которую начала в 1928 г. группа В. В. Бармаша, на основе «Организационной платформы Всеобщего союза анархистов», созданной П. А. Аршиновым и Н. И. Махно¹⁷. Наиболее дерзкой их акцией стала нелегальная переправка за границу и издание в Париже критикующей все стороны политики ВКП(б) книги А.А. Борового «Большевицкая диктатура в свете анархизма. Десять лет диктатуры пролетариата»¹⁸, написанной при участии В. В. Бармаша и Н. И. Рогдаева¹⁹.

Выход книги стал причиной ареста членов группы в мае-июне 1929 г. Алексей Алексеевич был сослан на три года в Вятку, а потом во Владимир, где – в одиночестве и осознании фатальной невозможности реализовать свои творческие замыслы, – успел умереть своей смертью 21 ноября 1935 г., до конца сохранив человеческое достоинство и верность избранному делу. В эти годы им были написаны многие статьи на философские и социологические темы, незавершенная книга «Разговоры о

¹⁵ Леонтьев Я.В. В.Н. Фигнер – председатель Кропоткинского комитета // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. – М., 1992. – С. 72–73; Никитин А.Л. К событиям 20-х годов вокруг кропоткинского музея // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. – М., 1992. – С. 110.

¹⁶ Никитин А.Л. Указ. соч. – С. 92, 112–115.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27002. Лл. 12 об, 31–33, 151, 160–165; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-36465; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63539. Лл. 16–16 об, 18–18 об, 20, 31; Должанская Л.А. «Я был и остался анархистом». Судьба Франческо Гецци (по материалам следственного дела) // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2005. – С. 243–244.

¹⁸ Большевицкая диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (коллективное исследование). – Париж, 1928.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-63539. Л. 31; ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27002. Л. 162, 164; ГАРФ. Оп. 1. Д. 36465. Л. 3.

живом и мертвом», фундаментальное исследование о Достоевском и замечательные мемуары²⁰.

Ветлугин полагал: «Боровой ни в чем и никогда не осуществил изумительного богатства своего таланта, своей богатой любящей жизнь натурой»²¹. И сам Боровой сходным образом оценивает свою судьбу в мемуарах: «Я скорее – поэт, без специфически-художественного творчества, человек артистического склада и темперамента, мыслящий образами, по преимуществу, самое мировоззрение свое открывавший не силой логических выкладок, не “научно”, а – вдохновением, инстинктом, как будто, вовсе без помощи дискурсии. (...) В силу объективно-исторических условий, или по собственной вине, я никогда не поднимался во весь рост и не сумел сказать и сделать то, что хотел и мог, по моему сознанию. (...) Но все это не мешало мне любить “жизнь” – в широком объеме этого понятия. (...) В общем потоке жизнерадостности я все же склонен выделить особо – три центральных ценности, связавшие меня прочнее всего с миром: анархизм, музыку, женское чувство»²².

Боровой прекрасно музицировал и дружил с выдающимися музыкантами. Он ощущал мир музыкально: «Музыкальное чувство – есть важный элемент моего общего мировоззрения. Не насилуя себя, я слышу музыку не только в музыке, но и в “немузыкальных”, по существу, шумах природы, в пластических искусствах, в чувстве человека, в слове»²³. Он интуитивно воспринимал музыку слов, музыку Революции, музыку Эроса как настоящее откровение. Его произведения полифоничны, холистичны, эмоционально заряжены, полны музыкальных подъемов и спадов, мыслеобразов. Он мог бы, как Мигель Унамуно, сказать о себе, что он мыслит чувством и чувствует мыслью.

Боровой был страстным читателем и библиофилом. К 1917 г. в его библиотеке «было – примерно 7750 названий: 6450 русских и 1300 иностранных в 10,5–11 тысяч томов. Было немало библиографических редкостей – изданий XVI–XVII вв., с ценными гравюрами и пр.»²⁴. Он был феноменальным читателем: «Уже в детские годы я отличался быстрым чтением. (...) Книги на русском и французском я научился – не читать, а фотографировать»²⁵.

Сферой, в которой наш герой достиг наибольшего совершенства и самореализации, было ораторское искусство. «Оратором милостью Божьей» называла Борового Вера Фигнер. В своем ораторском мастерстве он соединил эрудицию, память, искусство виртуозной импровизации и талант музыканта. Его ученик анархист Н. Отверженный (Н. Г. Булычёв) в статье «Боровой как оратор» подчеркивал: «Ораторское искусство – наиболее бесспорная творческая стихия Борового. (...) Он оратор интуиции, а не логики, образа, а не силлогизма, картины, а не факта»²⁶. Боровой отмечал: «Я мог не уставая говорить два, три часа в помещении на полторы, две тысячи человек».

²⁰ Подробнее о мемуарах Борового см.: Рябов П.В. «Былое и Думы» Алексея Борового // Человек. – М., 2010. – № 3.

²¹ Ветлугин А. Сочинения. Записки мерзавца. – М., 2000. – С. 73.

²² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 162. Лл. 8, 14, 15–16.

²³ Там же. – Л. 15.

²⁴ Там же. – Лл. 20, 21.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 166. Лл. 47–50.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 1047. Лл. 14–15.

Но главное для оратора не голос, не эрудиция, но «умение потрясать само сердце»²⁷. Сам Алексей Алексеевич в полной мере обладал этими способностями.

II. Ученый-энциклопедист

Не имея возможности в рамках статьи даже бегло описать все сферы научных интересов Борового и пересказать содержание двух десятков написанных им книг и сотен статей, коснемся лишь нескольких аспектов.

1. *Исторические работы* Алексея Алексеевича Борового в основном связаны с любимой им Францией: Великой французской революцией, французским революционным синдикализмом, социалистической мыслью, масонством. Отметим среди них уже упоминавшийся монументальный труд «История личной свободы во Франции» (два тома, посвященные периоду от Старого Порядка до Директории, 1789–1799), книгу «Современное масонство на Западе» (М., 1922), в которой он исследовал организацию, взгляды и деятельность масонов и их роль в демократической политической системе, ряд превосходных статей в «Книге для чтения по истории Нового Времени» (М., 1913) о Сен-Симоне и Фурье, религиозно-социальных учениях во Франции перед 1848 г., Первом Интернационале и Великой французской революции, где они достойно соседствуют со статьями Е.В. Тарле, Н.И. Кареева, С.А. Котляревского, И.В. Лучицкого и др.).

В своем исследовании о Великой французской революции А. Боровой показал себя исследователем высшей пробы: способным кропотливо осмысливать колоссальный исторический материал и выдвигать широкие обобщения. Он подверг подробному изучению правовое положение личности при монархическом строе, рассмотрел соответствующие аспекты наказов в Генеральные Штаты 1789 г., проанализировал «Декларацию прав человека и гражданина» и законодательные акты о правах личности, изданные различными революционными правительствами Франции, исследовал механизмы якобинского террора и причины Термидора.

Хотя в центре исследования – историко-правовые вопросы, оно и по кругу проблем, и по методологии является интегральным, сочетая воедино историю, право, социологию, психологию. Парадоксальность ситуации состояла в том, что об истории права в данном случае размышлял анархист (априори далекий от фетишизации закона). Естественно поэтому, что Боровой, во-первых, ставил рассмотрение эволюции права в зависимость от внеправовых факторов (борьбы сословий и группировок), во-вторых, неуклонно противопоставлял «Право» (и связанных с ним государство, парламент, партийных доктринеров) «Жизни» (т.е. стихии народного творчества), в-третьих, большое внимание уделял не только правовым актам, но и институтам и их правоприменительной практике, указывая на пропасть между нею и «теорией».

В диссертации Боровой успешно выступает как академический ученый, однако художник в нем не исчезает совсем. Он проявляет себя – в остром ощущении драматизма, пафоса, трагизма, скрытой иронии и грандиозного размаха исследуемой эпохи, в понимании иррациональных факторов в истории. Он подчеркивает мно-

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 171. Лл. 209, 213.

гофакторность и альтернативность исторического процесса. «История», «Народ» в его системе координат есть псевдонимы и маски «Жизни» – пестрой, спонтанной, противоречивой, рационально непостижимой творческой тотальности, противостоящей любым догмам и партиям, пытающимся сковать ее своими доктринами и регламентировать законами.

Так конкретно-эмпирическое историко-правовое исследование Борового органично выводит мыслителя на фундаментальные исторические и философские проблемы. Среди них: внутренняя логика революционного процесса, произвол государства и защита прав личности, соотношение «внешней» и «внутренней» несвободы человека, идейная роль Просвещения, семья как ячейка общества и орудие абсолютистского государства в подавлении личности, кризис верхов и делегитимизация Старого Порядка в ходе Революции, созидание и разрушение в революции, чрезвычайные меры и реформы сверху как элементы революции, общечеловеческое (идеальное, бескорыстное) и сословно-классовые интересы в процессе революции, невозможность «добротного короля», «хороших тюрем» и «благих реформ сверху».

Борового волновали внутренние парадоксы Революции: столкновение фетиша «общего блага» с правами живой личности, самоуничтожение революции в «революционном» терроре якобинцев. Ирония стихии «Жизни», ее «окаменение» в новых формах, по Боровому, проявлялось в том, как созданный революцией парламент постепенно становился контрреволюционным, из орудия бунта превращаясь в оплот новой тирании, и в том, как «чрезвычайные меры» и «государственные интересы», апеллирующие к революционной риторике, постепенно перечеркивали завоевания «Декларации прав человека и гражданина».

Причинами революционного террора, по Боровому, были и гнет рационалистических схем над Жизнью, и насилие государства, парламента, а также стоящих во главе его групп над революционным народом, и фанатизм террористов, и классовое своекорыстие буржуа, и, наконец, сама логика начавшегося террора, ведущая к раскручиванию маховика репрессий. Автор фиксирует очередной иронический парадокс истории: выступавшие от имени революции, идейные и самоотверженные якобинцы террором обескровили и убили революцию, а их самих, в свою очередь, уничтожили ничтожные и корыстные люди «золотой середины» – термидорианцы, в данном случае выступившие как бессознательные орудия «Жизни», защищавшейся от «смерти»: «Остановилась сама жизнь. (...) Революция убивала революционеров. Смерть восторжествовала над жизнью. Однако пробил час и “революционного правительства”, жизнь вступила в борьбу с отжившими бесплотными символами. (...) Термидорианское правительство пришло под знаменем жизни и в этом секрет его величайшего успеха»²⁸.

2. Особого внимания заслуживает неопубликованный труд последних лет жизни Борового – «Достоевский» (365 машинописных страниц). Само его обращение к творчеству Достоевского было актом гражданского и интеллектуального мужества, поскольку большинство «правоверных» анархистов были вполне равнодушны к этому мыслителю, а в СССР в эту эпоху шла борьба против «достоевщины» и сложились устойчивые штампы о его «реакционности».

²⁸ Боровой А.А. История личной свободы во Франции. Том I. Старый Порядок и Революция. Часть 2.

Для Борового Достоевский – чрезвычайно близкая фигура. Ему, вместе со Скрябиным, Пушкиным и Бакуниным, анархист посвятил свои мемуары, его роман «Бесы» разбирал в книге «Миф о Бакуanine» (1926). А книгу «Достоевский» он писал трижды: первая рукопись была потеряна в 1922 г. при отправке в издательство, вторая – отвергнута цензурой, третья – создавалась в ссылке до последнего дня Алексея Алексеевича и все же (при всей своей зрелости, продуманности, и огромном богатстве содержания) оставалась принципиально незавершаемой (как жизнь, как свобода, как личность). Целями Борового были защита Достоевского и развенчание поверхностных стереотипов, осмысление его философии, полемика (пусть неявная) с большевистской реальностью и, главное, последняя попытка прояснить собственную философию и «хоть в чем-нибудь высказаться до конца» (говоря словами Льва Шестова). По признанию автора: «Кто говорит о Достоевском, говорит важное и о себе»²⁹. В соответствии с этим он не коллекционирует «цитаты» и «позиции» Федора Михайловича, но пытается раскрыть его внутреннюю жизнь, мучившие его страсти и искания. Для него Достоевский – не мертвые и застывшие «измы», отделенные от человека, но музыкальные «лейтмотивы», «творческие стихи», «патетика» и «устремленность» – нечто неуловимое, развивающееся, целостное, не редуцируемое ни к чему и не расчленимое ни на что. Эта позиция позволяет деконструировать стереотипы в отношении Достоевского. Это – подход романтика, постигающего «душу души», «музыку музыки», «огонь» в вещах, улавливающего в объективированном мире мертвой материи живой и вечный Дух.

Боровой – не без оснований – сближает Достоевского с Бакуниным, Герценом, Ницше, Штирнером и Бергсоном. При помощи писателя он размышляет о мещанстве и либерализме, об анархизме, о трагическом чувстве бытия, о сциентизме, о «религии прогресса» и о Человеке во всех его измерениях и проявлениях. Для Борового Достоевский, прежде всего, – философ Жизни (причем Жизнь у него раскрывается во всем своем динамизме, полноте, трагизме и величии); мыслитель, показывающий «человека без кавычек» – вечное и личное в человеке, не редуцируемое к временному и социальному; наконец, – анархист и бунтарь, правдоискатель, неистовый борец против буржуазного мещанства за свободу личности. У Достоевского, писал Боровой, «я нашел и “мое”»: диалектичность мышления, стихию “бунта”, примат “жизни” над “разумом”, утверждение личности, стремление к всемирному единству»³⁰.

Говоря о полемике Достоевского против социализма XIX в., Боровой имел мужество заявить, что в этом споре он всецело на стороне Достоевского, поскольку «для тогдашнего социализма и социалистов» в основании мировоззрения были «культ “разума”» и материалистическая философия, детерминизм и атеизм, утилитаризм³¹. Вслед за Достоевским Боровой протестовал против «религии прогресса», не желавшей видеть живого человека. «Какой же безграничной наивностью должно казаться нам ожидание столь многих, что в каком-то тридевятом царстве, тридесятом государстве – наступит, наконец, всеобщее довольство: сомнения будут разрешены, с враждой покончено, люди друг друга обнимут и поймут до конца и пределов не

– М., 1910. – С. 185–186.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 3 оборот.

³¹ Там же. – Л. 112 оборот.

будет ликование. Трагическое окажется навсегда вычеркнуто из жизни»³². В эпоху построения «хрустального дворца» и всеобщего официального ликования по этому поводу Боровой выступил против иллюзий о «конце истории», даже если бы это был «счастливый конец». В эпоху торжества партийной однозначности и идеологического диктата он отстаивал глубину и сложность человеческого против любых однозначных ярлыков и формул. В эпоху триумфа «научного» коммунизма Боровой напомнил, вслед за Достоевским, о пределах науки и разума и невозможности для них объять и тем паче определять жизнь.

Искания человека не сводимы только к набору социальных ролей и функций. «С прекращением “классовой войны”, с особенной рельефностью выступает биологическая природа человека и психофизическая индивидуальность, человек “сам по себе” станет центральной темой. Сейчас есть человек в кавычках (определение только через социальное), только тогда встанет перед исследователем человек без кавычек»³³. «Человек без кавычек» – это и есть экзистенция в чистом виде. Там, где человеческая «единица» была признана количественно ничтожной и не заслуживающей внимания величиной перед лицом бесконечных величин, Боровой подчеркивал ее качественную незаменимость и уникальность. «Личность, ее воля, свобода, сознательность в выборе средств – решающие факторы действия. Никто не может сбросить с себя личную ответственность»³⁴.

Боровой с невероятной смелостью писал в своей книге: «Это – коммунизм, по слову Герцена, “русское самодержавие навыворот”, коммунизм-аракчеевщина, задуманный сверху, проводимый догматически, наивно верящий, что гармония и счастье целого могут быть достигнуты выхолащиванием своеобразия в человеческом, мечтающий о едином, рациональном и стандартном бытии, с предопределением идей, эмоций, устремлений, нетерпимый к самостоятельным исканиям. (...) Коммунизм-пародия, вырастающий не из воли и победы угнетенных, а из мозга доктринера, приносящий реальное в жертву химерам. Человек – мясо, навоз, бескачественная единица, допускающая над собой любые манипуляции»³⁵. О чем, о ком эти горькие слова, написанные в середине 1930-х годов? Неужели только о «шигалевщине» у Достоевского? Боровой, не говоря ни слова об СССР, о Сталине и Ленине, но только о Достоевском, рассуждает о личности, жизни, свободе, бросая вызов тоталитаризму с его палачами, цензорами, идеологами и холопами, с его наглой «простотой», которая «хуже воровства».

Нельзя пройти мимо **социологических** работ А.А. Борового. Среди них наиболее интересна книга «Класс, партия и интеллектуальный пролетариат», завершенная в 1918 г. Ее рукопись, сохранившаяся в РГАЛИ, позволяет понять концепцию интеллигенции, созданную А.А. Боровым. Рассматривая интеллигенцию как «внеклассовое» явление, придерживаясь мировоззренческих и профессиональных критериев в ее характеристике, Боровой полагал, что она неоднородна по своему классовому составу, включая в себя различные слои³⁶. К «интеллектуальному пролетариату», указывал он,

³² Там же. – Л. 9.

³³ Там же. – Л. 57 оборот.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 57.

³⁵ Там же. – Лл. 146–146 оборот.

³⁶ Там же. – Л. 112–113.

принадлежат те, кто получает средства существования, продавая свою «умственную» рабочую силу³⁷, которая подчиняется законам спроса и предложения³⁸. Причины роста этой подгруппы рабочего класса связаны с «интеллектуализацией труда» в XX в., с распространением общего и специального образования, ростом значения организации труда в производственных процессах³⁹. Боровой отмечал тенденцию к «пролетаризации» в среде интеллигенции, вызываемую перепроизводством высшими учебными заведениями работников интеллектуальных специальностей⁴⁰. Результат этого – растущая конкуренция между лицами творческого труда в поиске рабочих мест⁴¹. Поскольку «интеллектуальный пролетариат» является частью рабочего класса, он должен создать свою классовую организацию в виде профессиональных союзов и вести революционную борьбу теми же средствами, какие анархисты рекомендуют рабочим⁴². Анархист ссылаясь на деятельность синдикалистских профсоюзов учителей и служащих во Франции: «трудовая интеллигенция уже давно стоит на страже интересов борющегося пролетариата. Но нужно, чтобы она самое себя познала пролетариатом и, отбросив свой традиционный сентиментализм и навязанные ей замашки благотворительницы, во всеуслышание объявила свою классовую волю»⁴³.

Так Боровой преодолел народнические идеи о вине интеллигенции перед «пролетариатом физического труда». Концепцию Махайского об интеллигенции как едином классе, стремящемся к господству над обществом, он назвал «совершенным недоразумением»⁴⁴. Антагонизм между пролетариями «физического» и «интеллектуального» труда он связывал не с мнимым стремлением интеллигенции к власти над рабочими, а со спецификой «интеллектуального пролетариата»: «пестрота состава, высший уровень культурности, утонченность вкусов, роль признанного организатора там, где пролетариат физического труда оставался простым исполнителем, близость к образованным и правящим слоям буржуазии»⁴⁵.

Боровой стал и одним из первых критиков тейлористской рационализации производства, развернувшейся в 1910-е годы на промышленных предприятиях Северной Америки и Западной Европы. Система организации труда по Тейлору, сводящая роль рабочего к выполнению указаний «сверху», от специалистов-интеллектуалов, управляющих производством, полагал он, таит в себе опасность подавления личной инициативы. Это «превратит рабочего в совершенно мертвый автомат, механически выполняющий инструкции заводского начальства», в «придаток к машине», в котором «безвозвратно гибнут все интеллектуальные потребности и способности»⁴⁶. Он отвергал тезис Тейлора о том, что рабочий-грузчик должен быть настолько «туп»,

³⁷ Там же. – Л. 104.

³⁸ Там же. – Л. 112–113.

³⁹ Там же. – Л. 104–105.

⁴⁰ Там же. – Л. 130–135.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 113. Л. 116.

⁴² Там же. – Л. 124–129.

⁴³ Там же. – Л. 111–112.

⁴⁴ Там же. – Л. 104а.

⁴⁵ Там же. – Л. 109–110.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 77. Л. 242, 250; Боровой А.А. Общественные идеалы современного человечества. – С. 76.

чтобы не понимать истинного значения слов «рациональный отдых»⁴⁷. Боровой указывал, что деспециализация рабочих в сочетании с жесткой регламентацией труда на предприятиях будет способствовать закреплению разрыва в уровне знаний между рабочим и технократической элитой, а значит – и системы социального неравенства⁴⁸.

В работах Борового разрабатывается теория «нового класса». Его появление он связывает, прежде всего, с формированием слоя профессиональных политиков и рационализацией производственных процессов. Выполнение многочисленных представительских и управленческих функций в партийных органах и парламентах способствует формированию в социал-демократических партиях интеллигентской элиты. Ведь для выполнения этих функций «требуется известный образовательный уровень, ...интеллигентность. Представительство становится профессией»⁴⁹. Эти идеи выражены в серии статей «Реформа и революция» (1907). Их центральная тема – критика парламента как учреждения, способствующего превращению народных представителей в касту, независимую от избирателей, чуждую их интересам. В своих выводах автор близок концепции Р. Михельса о новом правящем классе – «классе чиновников», идущем на смену буржуазии. Но, в отличие от Михельса, будучи увлечен идеями А. Бергсона, Боровой трактовал эту проблему в антирационалистическом духе. Рационализм для Борового обозначал «господство абстракции», подмену подлинной жизни в общественной мысли и практике «символами и схемами»⁵⁰, что, по его мнению, неизбежно ведет к доминированию интеллектуалов в жизни общества и в рабочем движении. Чуждые по своей «психологии» и условиям своего быта рабочим «физического труда», интеллигенты, составляющие элиту социал-демократических партий, навязывают рабочим взгляды, основанные на «вере в неограниченную силу разума (партийного)»⁵¹.

III. Философ и теоретик анархизма

Алексей Алексеевич Боровой – крупнейший анархический мыслитель России первой трети XX в., не просто «пропагандист» или «идеолог» анархизма, но философ, предложивший новую мировоззренческую парадигму и подвергнувший пересмотру многие основания анархической философии (прежде всего, кропоткинской, основанной на сциентистском и позитивистском фундаменте). За 30 лет творчества Боровой прошел некоторую эволюцию (преодолевая индивидуалистические крайности и изживая марксистские стереотипы), пережил разнообразные идейные влияния. И все же лейтмотивы его философствования мало изменились, лишь уточняясь.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Д. 77. Л. 248.

⁴⁸ Там же. – Л. 242, 248–250.

⁴⁹ РГАЛИ. Фонд 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 49.

⁵⁰ Боровой А. А. Разум и его современные критики. (К вопросу о новом человеке) // Новь. №№ 6–9. 21–24 янв. 1914 г. С. 2–3; Он же. Разум и его современные критики. (К вопросу о новом человеке) // Новь. № 7. 22 янв. 1914 г. С. 3.

⁵¹ РГАЛИ. Фонд 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 49–50.

Для Борового анархизм не только и не столько социальное учение или программа действий, сколько философское мировоззрение, ставящее в центр человеческую личность, ее свободу и творчество. А развитие личности, ее борьба с деспотизмом общества за самоосвобождение, также вечны, как и само человечество. «Мысль о невозможности конечного анархического идеала – центральный мотив моего личного анархического мировоззрения»⁵². Анархизм – не статичное и догматическое учение, а динамическая философия, пользующаяся услугами науки, но принципиально к науке не сводимая, как не сводимы к науке ни Жизнь, ни Свобода – символы анархической веры.

Идейный синтез, предлагаемый Боровым, состоит в соединении «философии жизни» (Бергсона, Ницше, Достоевского, Бакунина с их апофеозом спонтанности, развенчанием любых «фетишизов», превознесением волюнтаризма, интуитивизма и антисциентизма) с практикой революционного синдикализма. Анархизм для него – «философия пробудившегося человека» и «романтическое учение с реалистической тактикой». Анархизм призван заимствовать лучшее из того, что выработали либерализм (политическая свобода) и социализм (экономическое равенство и социальная справедливость), но идет дальше – апеллируя не к политическому «гражданину» и не к «классу» пролетариев, но к личности в ее вечной тяжбе с обществом.

Если в своих ранних сочинениях мыслитель – в духе Штирнера – абсолютно противопоставлял личность и общество и считал задачей анархизма полное обособление и самообеспечение личности, то со временем (в книгах «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении» и поздних рукописях) он скорректировал свою позицию, органично сочетая персонализм и социализм. Теперь Боровой критиковал как кропоткинский анархо-коммунизм (по его мнению, недооценивающий роль личности, растворяющий ее в обществе и чересчур идиллически и «финалистски» представляющий перспективы будущей социальной гармонии), так и крайний, «абсолютный индивидуализм» (Штирнера и Ницше), стремящийся полностью вырвать личность из общества. Развивая бакунинскую мысль о человеке, как одновременно «самом социальном и самом индивидуальном из всех существ», Боровой утверждал, что человеческая личность не может ни полностью уйти из общества, ни полностью примириться с ним, но в вечной борьбе за эмансипацию призвана одновременно и совершенствовать общественные формы, и вновь преодолевать и сокрушать их. Эта диалектическая «борьба с культурой за культуру» и есть история человечества с ее неизбежным трагизмом и творческим драматизмом.

Обращение к полузабытым и недооцененным идеям М.А. Бакунина – еще одна важная философская заслуга Борового. Он акцентировал «негативную диалектику» Бакунина («творческое разрушение» и «разрушающее созидание» как бунтарскую душу Революции), интуитивистские и волюнтаристские идеи («бунт жизни против правления науки», примат воли перед мыслью, преобладание действия над теорией и целостного постижения мира над дискурсивным), поразительно сблизившие его с Бергсоном, а также принципиальный отказ великого бунтаря от попыток проектировать «конечный идеал» анархизма (из-за непредсказуемости жизни для мысли и принципиальной открытости и незавершаемости анархизма).

⁵² Боровой А. Бакунин. – М., 1994. – С. 8.

Значительное место в сочинениях бывшего марксиста Борового занимает полемика с «экономическим материализмом» Маркса и его социал-демократических эпигонов. Боровой отказывал марксизму в статусе «научности», обнаруживая в нем религиозные (недоказуемые) моменты, критиковал марксистское пренебрежение личностью, детерминизм и авторитаризм. Все это не мешало ему высоко ценить Маркса как ученого и использовать многие идеи из его критики и анализа капитализма.

Боровой был одним из наиболее известных в России теоретиков анархо-синдикализма. Он противопоставил парламентской «реальной политике» революционные самоуправляющиеся профсоюзы рабочих, методами прямого действия осуществляющие борьбу за освобождение личности. Чуждающееся «теоретических выдумок» рационально мыслящих интеллектуалов синдикалистское рабочее движение, по Боровому, – не что иное, как «текущая работа, своеобразный трудовой поток, не замыкающийся в рамки ни каких-либо абсолютных теорий, ни раз навсегда установленных методов». Синдикализм воспринимался им как «продукт высокого развития производственной техники», выражение интересов «сильного, самостоятельного, способного к личной инициативе работника», вырабатывающего формы, принципы и лозунги рабочего движения в процессе непосредственной борьбы. Ему противопоставлялись рожденные в головах социал-демократических интеллигентов умозрительные представления о «классовом сознании», отчужденные от живой борьбы рабочего класса партийные структуры и парламентская тактика⁵³. Если Бергсон и его последователи в теории разорвали с господствовавшим в общественном сознании рационализмом, то рабочие-синдикалисты, полагал Боровой, осуществили этот разрыв на практике: «рабочий синдикализм... отвергает партии, полагая, что формы рабочего движения, его принципы, его действенные лозунги изготавливаются не в лабораториях отдельными избранниками класса, а вырабатываются в процессе самого движения». Истинно рабочее, синдикалистское движение освобождает себя от «рационалистских элементов» – руководства отвлеченных теоретиков. Интеллигенции в этом движении отводится лишь «скромная служебная роль»⁵⁴.

В наследии Борового важна книга «Большевистская диктатура в свете анархизма». Ее авторы констатируют диктаторский характер большевистского режима, при котором власть находится в руках возглавляемой вождем иерархически построенной партии, превратившей Советы и органы экономического управления в свои «филиальные отделения» и опирающейся на террор спецслужб⁵⁵. НЭП охарактеризован, как попытка большевиков удержать власть в ситуации экономической разрухи, массовых народных восстаний и давления капиталистических держав. Эта проблема была решена путем уступок буржуазии и крестьянству при частичном освобождении частной инициативы в экономике от государственных ограничений⁵⁶. Экономическая система СССР оценивалась, как «государственно-капиталистическая», при

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1023. Ед. хр. 77. Л. 37, 43–44.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Ед. хр. 77. Л. 37, 43–44.

⁵⁵ Большевистская диктатура в свете анархизма. – С. 31–33.

⁵⁶ Там же. – С. 34.

которой государство – главный собственник средств производства, диктующий условия своим контрагентам в лице общинно-крестьянских и частнокапиталистических хозяйств. Основными признаками, определяющими капиталистический характер советской экономики, объявлены «антагонистические формы социальных отношений»: эксплуатация наемного труда работником государством, безработица, ликвидация независимости профсоюзов, «образование привилегированных паразитических групп, выполняющих исключительно функции надзора и охраны», экспроприация продуктов крестьянского труда в форме «заготовительных операций»⁵⁷.

В книге дан подробный анализ аграрной политики большевиков. Созданные под покровительством советской власти колхозы и совхозы оцениваются, как государственные предприятия с наемным трудом⁵⁸. Авторы отмечали нарушение «естественных пропорций» хозяйства из-за ориентации на индустриализацию при поиске средств на ее проведение за счет деревни⁵⁹. Поэтому, полагали они, основная задача экономической политики – снижение отпускных цен промышленности, как средство усиления товарности сельского хозяйства⁶⁰. Курс руководства СССР на индустриализацию осуждался за ориентацию исключительно на развитие тяжелой промышленности, хотя в период НЭПа наблюдался рост легкой индустрии, связанной с потребительским рынком⁶¹. Как видим, Боровой и его соавторы трезво оценивали сущность «Новой экономической политики», экономическую ситуацию в СССР, остро критикуя угрожающие тенденции ее развития. Интересно, что Боровой использовал для оценки социально-экономической системы СССР термин «государственный капитализм», позднее весьма распространенный среди представителей демократических левых сил.

В ситуации тотального кризиса современной цивилизации (и всех связанных с ней «идеологий»), А.А. Боровой предложил радикальное обновление анархической теории, поставив в центр внимания экзистенциальные проблемы, апеллируя к достоинству и активности личности (но не игнорируя и не идеализируя общество).

Тема раскрепощения и свободы человека доминирует, таким образом, в социальной, философской и политической мысли Алексея Алексеевича Борового. В этом – переходящее значение его творчества.

⁵⁷ Там же. – С. 26–27, 33–35.

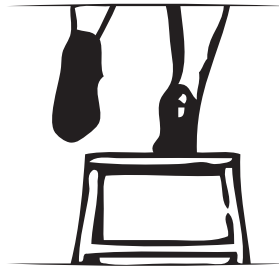
⁵⁸ Там же. – С. 72–77.

⁵⁹ Там же. – С. 45.

⁶⁰ Там же. – С. 69.

⁶¹ Большевицкая диктатура в свете анархизма. – С. 50, 52.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Дмитрий Рублёв, Пётр Рябов
Алексей Алексеевич Боровой
Человек, мыслитель, анархист
2011

Скопировано 2017-12-24 с <http://www.karaultheca.ru/rus-an/ryabov.htm>
Рублёв, Д. И. Алексей Алексеевич Боровой: Человек, мыслитель, анархист / Д. И.
Рублёв, П. В. Рябов // Россия и современный мир. – 2011. – № 2. – С. 221–239.

ru.theanarchistlibrary.org